

Жил на свете человек. Как мы стали теми, с кем родители говорили не общаться

Автор:

[Ярослав Соколов](#)

Жил на свете человек. Как мы стали теми, с кем родители говорили не общаться

Ярослав Андреевич Соколов

Книги Ярослава Соколова. Истории, которые помогают оставаться людьми

«Жил на свете человек» касается каждого из нас сильнее, чем кажется. Это книга судеб многих людей и нас с вами. Это признания в том, как иногда нужно отвоевывать свое право на жизнь. О том, как трудно быть и называться Человеком. Истории, которые помогают нам оставаться живыми, истории, на которые мы не имеем права закрыть глаза.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Ярослав Андреевич Соколов

Жил на свете человек. Как мы стали теми, с кем родители говорили не общаться

© Соколов Я. А., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Час до полуночи

Проблема алкогольной и наркотической зависимости – больная, многогранная, сложная тема. И очень часто, как в случае с айсбергом, люди замечают лишь ее малую видимую часть, не желая разглядеть скрытого в глубинах. Иногда кажется, они убедили себя, что «если я чего-то не вижу, значит, этого вовсе не существует». Вот только подобная страусиная логика никогда не спасала от ударов судьбы, которая бьет свою серию пенальти без промаха. Такие удары всегда весьма неожиданны и очень тяжелы. А мы, к сожалению, стараемся не обращать внимания на такие проблемы, если они не касаются лично нас или наших близких.

Бой с тенью. Анна

Одна тургеневская барышня тут не так давно меня спросила, видимо, желая как-то уязвить: было ли у меня детство? Дескать, бывает ли оно вообще у таких, как я, отбросов общества. И я вдруг неожиданно задумалась и начала вспоминать. Вы знаете, да, детство у меня определено было, я тоже в свое время бегала по двору с содранными, густо намазанными зеленкой коленками, прыгала через скакалку, играла в классики... Сейчас люди отгораживаются от меня, предпочитают не замечать, будто меня не существует. Даже те, кто был со мной знаком много лет. Словно мне поставили на лоб позорное клеймо – наркоман. Наверное, им так удобнее. Видимо, я теперь просто выбилась из привычного для них мира, и они не хотят пускать меня назад. Как в детстве, когда остаешься вечером одна и боишься открыть дверь – а вдруг там монстр? Я их не виню. Сейчас уже понимаю, что они во многом правы, ведь еще недавно я и была таким монстром.

Нет, не так, не я сама – я лишь подпустила этого монстра слишком близко. Так близко, что он в конце концов стал моей тенью...

Любая дорого одетая девица или какой-нибудь шалопай, провернувший пару успешных сделок и считающий, что весь мир у него в кармане, те, что в погожий летний вечерок сидят в кафе на Патриарших, уверены: уж с ними-то ничего такого точно никогда не произойдет. Они искренне убеждены в собственной исключительности и в том, что подобная грязь их не коснется. Напрасно. Я встречала наркоманов, которые когда-то были на самой вершине общества, – киноактеры, политики, бизнесмены. Болезнь не щадит никого. Именно болезнь. Сначала тебе хорошо, ширнувшись, ты ловишь кайф, забываешь свои проблемы и просто становишься счастливым. Ну в самом деле, что может быть плохого, если я немного расслаблюсь, сниму стресс, восстановлю силы, а потом вновь вернусь к обычным делам? Ведь я же всегда смогу вернуться, я сильная, ведь это я!

А потом этот вирус незаметно проникает в тебя и становится все сильнее, да так, что спустя некоторое время уже он тобой управляет. И ты, как послушный раб, выполняешь все, что он укажет, катишься в такую темень, куда по собственной воле ни за что и никогда бы не сунулся. И вот это уже болезнь. Ведь на самом деле я такая же, как и все, просто мне в какой-то момент сильно не повезло.

Одно время, уже лежа на койке в наркологическом центре, я часто думала: может быть, со мной что-то не так? Почему жизнь именно меня окунула в эту бочку с помоями? Чем я такое заслужила? Что сделала плохого? Ведь не была же я уж совсем конченной дрянью. Да и жизнь поначалу вроде бы успешно складывалась. За что? Да, возможно, я бывала излишне беспечна, самонадеянна, да и многие другие грешки за мной водились, но не больше, чем у других. Бесплезно, конечно, так себе голову ломать, хотя в чем-то это порой и помогает разобраться. Помню, как-то в процессе подобного самокопания невесть откуда пришла детская считалочка: «Сорока-ворона кашу варила, деток кормила. Этому каши дала, этому каши дала... А этому не дала...» Вот, видимо, мне как раз и не дала. Как-то так.

Конечно, в какой-то момент пытаешься сама с этой заразой бороться, но не слишком серьезно: ведь ты же полностью уверена, что всегда сможешь легко завязать. Только пусть это будет не сегодня – вот завтра или там через недельку и брошу, не вопрос! Но проходит день, неделя, месяц, а ничего не меняется. И так до тех пор, пока не подступает край. Когда ты просто стоишь у черты, а за этой чертой бездна. И не та, воображаемая, что в книжках или в фильмах, а совершенно-совершенно реальная. А жить тебе теперь всего-то ничего, а потом

эта самая бездна холодная тебя просто разорвет, поглотит, развеет. И не останется от тебя совсем ничего. Вот тут и приходит страх. Настоящий страх. Для многих, правда, это уже слишком поздно бывает. Прямо как в детской сказке: остался тебе ровно час до полуночи, а в полночь твоя карета превратится в тыкву... Ну а ты сам – в черепки, в пепел, а может, и пепла не останется.

И никакой принц тебя уже не спасет. Тогда вот и понимаешь, что без посторонней помощи теперь никак не выжить.

Не всем удастся эту помощь получить. А тем, кому все же повезет, предстоит настоящая борьба. Ты будешь бороться не только за свою жизнь, а за все свое естество – за себя самого, того, кем ты был, прежде чем стать рабом этой дряни. За свою память, за те годы, которые прожил раньше, за детство, живущее еще где-то в тебе самом, просто за самую возможность дышать – пить этот воздух мелкими глотками, как воду, и жить. Бороться с этой гадостью очень больно и порой невыносимо трудно, но выбора у тебя уже нет. И ты борешься, цепляешься за свой мир ногтями и зубами. А иначе просто нельзя. А иначе зачем все это тогда вообще?

Слышать сердце. Михаил

Каждого человека жизнь вразумляет по-разному. Кто-то поймет, задумается. Может, что и в себе изменить попытается, а другие дальше бегут, не замечают. До тех пор пока сами, словно тараканы с кухонного стола, в пропасть не попадают, как говаривал булгаковский генерал Хлудов. Я и сам так же бежал. Долго бежал. Пока не стукнулся лбом о стену реальности, которую до того просто старался не замечать. Это я сейчас себя по-другому не мыслю, а раньше все заработать побольше хотел – то на квартиру, то на машину, то еще на что. Бизнес. В этом весь смысл и был, остальное на потом откладывал. Но жизнь иначе решила.

Сказал бы мне кто в той, прошлой моей жизни, что я волонтером в Центр для наркозависимых пойду, я бы ему в лицо рассмеялся. Весь такой крутой был, на

понтах – модные тачки, модные шмотки, модные тусовки. Даже когда родители в автокатастрофе погибли, это меня не вразумило. Погоревал, поплакал и вновь на свой старый круг вернулся.

Из близких тогда у меня лишь брат младший остался. Это я так его сам называл, а на самом деле старше я был всего-то на пять минут. Близнецы мы были. Хотя и не сказать, что уж очень походили друг на друга. С самого детства и внешне, и по поведению – во всем разные. Павел, он всегда тихий, задумчивый какой-то был, мечтатель. А я драчун, задира, вечно со свежими ссадинами и царапинами да с новыми дырками на штанах и рубашках. Хотел всегда и во всем оставаться первым. Защищал его от пацанов дворовых, как же иначе. Постепенно и привык быть по жизни для него старшим братом. Да и он не возражал никогда.

Вот так и получалось, что после смерти родителей одни мы друг у друга остались. В то время я это, конечно, умом знал, но понимать начал уже гораздо позже. Справили мы поминки, и я вернулся в Москву к своему успешному бизнесу. А Павел остался в нашем маленьком провинциальном городке. Как там и что пошло не так, теперь я уже наверняка никогда не узнаю. Вот только надломила его гибель родителей, и он от этого, судя по всему, так и не оправился. А я как-то все это проглядел, не заметил, ну или не захотел заметить, ведь у меня в то время была целая куча таких неотложных и, как казалось, столь важных дел. Ну а он промолчал. Как обычно. Он ведь всегда был молчуном и тихоней. А потом уже все как-то само закрутилось.

Мне тогда из клиники позвонили, что передоз у него. Спасибо, соседка заметила, что дверь открытой была, да скорую вызвала. Едва откачали. Сказать, что это случилось для меня неожиданно, значит, ничего не сказать – как обухом по голове огрели. Чтобы мой Пашка и колотья начал – да ни в жизни, это просто невозможно! Я, конечно, все дела бросил, сел в машину, и по газам.

Захожу в палату – лежит весь бледный как смерть под капельницей. Мой Пашка. Но какой-то и не мой, словно подменили.

В глазах что-то засело такое странное, незнакомое. То ли безразличие, то ли тоска.

Он там весь курс в местном наркологическом отделении отлежал. А я остался в родительской квартире и почти каждый день к нему приходил. Говорили о многом. Все вроде бы постепенно налаживалось. Когда Павла выписали, я еще недельку в нашем городке прожил. А потом он как-то раз и говорит: «Чего ты здесь со мной как нянька сидишь? Своих дел, небось, полно. Все уже в порядке, правда. Да и вообще это по глупости случайно произошло. Ну какой я наркоман? Так, попробовал разок. А теперь навсегда желание отшибло. Веришь?» Ну я и поверил. Дождался, когда брат на работу выйдет, и укатил себе спокойно в Москву.

...Теперь позвонила уже соседка, баба Нина, та самая, что в прошлый раз скорую вызвала. Я перед отъездом ей номер телефона свой оставил. Рассказала, что видела брата чуть тепленьким с какими-то оборванцами и что дома он уже пару дней не появлялся. Набрал сразу же Павла – мобильник отключен, домашний не отвечает. Пришлось все бросать и в спешном порядке выезжать на место.

Зашел я в родительскую квартиру и не узнал ее. Все, что представляло хоть какую-то ценность, исчезло. Голые стены, пара пустых шкафов, обшарпанный диван да кухонный столик. Как будто Мамай прошелся. Но, что еще хуже, квартира была в такой дикой грязи, словно этот самый Мамай не просто прошелся, а еще минимум на недельку устроил себе там стойбище вместе со своим войском и лошадьми.

Как я Павла искал – отдельный рассказ. Поднял на уши всех своих знакомых и в полиции, и среди бандитов местных. Сколько всевозможных притонов и наркоманских квартир мне тогда пройти пришлось, и тот ужас, который я там увидел, даже вспоминать не хочется. Никогда бы не подумал, что в таком небольшом городке может быть столько наркоманов. По счастливой случайности Павла удалось найти в каком-то частном домишке, недалеко от города. В совершенно невменяемом виде.

Я его погрузил в машину и погнал в местную больничку. Там брата под капельницей прочистили, привели немного в порядок, и я забрал его с собой в Москву, не стал уже на местных эскулапов полагаться. Устроил Павла в хороший Центр для наркозависимых, и постепенно все вроде бы пошло на лад, хотя далеко не сразу.

О многом мы с братом откровенно поговорили: как, почему у нас так получилось? Мне все понять хотелось, чего ему, образованному человеку из хорошей семьи,

не хватало. Естественно, что потеря родителей – это горе. Но не причина, из-за которой стоит колотиться и превращаться в зомби, ломать свою жизнь. Родители ничего подобного даже вообразить бы не смогли. Так горю точно не поможешь.

Увиденное, а потом и осмысленное так меня задело, что, можно сказать, перевернуло мой привычный мир с ног на голову.

Тогда же я договорился с врачами в Центре, где лежал брат, что буду помогать за ним ухаживать, стану его персональным волонтером, или, как они там называли, помощником. Со своей работой я все решил и теперь мог время от времени оставаться в Центре. Врачи для меня там даже краткую лекцию прочитали, как себя следует вести в тех или иных случаях, ну и так далее. За что я им был очень благодарен. Вообще, от медперсонала клиники у меня осталось положительное впечатление, на себе почувствовал их человеческое отношение и к пациентам, и к их родственникам. В наше время это, увы, редкость.

Я всю свою жизнь считал, что наркоманы, торчки, алкоголики – это обычные отбросы общества, лишенные каких-либо интеллектуальных, душевных и волевых качеств, недотягивающие до нормальной человеческой планки. Что уж у них там не так, то ли генетика подкачала, то ли в детстве головой ударились, но в любом случае это те, кто и сам не может жить нормально и других в свое болото тащит.

Естественно, так думал не я один, это достаточно устойчивый штамп, укоренившийся в обществе как минимум с начала девяностых и очень активно поддержанный всеми нашими СМИ. Что называется, большинству приличных людей рекомендовано было думать именно так.

Но в этот раз я столкнулся с подобной ситуацией сам. И героем этой повести был не какой-то абстрактный человек, а мой родной брат, который появился на свет практически одновременно со мной. По сути дела, мое второе «я». Почему это случилось с ним? Ведь раз случилось с ним, значит, при определенных обстоятельствах могло произойти и со мной. Как такое вообще могло быть?

Павел рассказал, что после смерти родителей знакомый порекомендовал ему таблетки, чтобы восстановить сон и сбросить напряжение. Брат к тому времени уже несколько дней не мог нормально спать и был сам не свой. Сначала вроде бы помогло, но ненадолго. Попробовал травку, тоже мимо. И тут какой-то

доброхот посоветовал уколиться, дескать, с одной дозы ничего не будет, зато мозги на место встанут. И, как ни странно, действительно помогло. Да и в самом деле не тянуло больше. Потом он с девушкой своей расстался и, как часто бывает в таких случаях, перебрал лишнего. А тут, откуда ни возмись, тот же добрый человек: на, дескать, уколись, тебе легче станет. Укололся раз, другой... В результате сменил одну проблему на другую – гораздо большую. Так и пошло-поехало. Но при этом всегда присутствовала железная уверенность, что в любое время сможет остановиться.

В общем, черту невозврата мой брат проскочил на полной скорости, даже не заметив. Испугался он несколько позже, когда понял, что сам себе уже просто не принадлежит и теперь все в этой жизни за него решает кто-то другой. Или что-то. Андрей рассказывал о том, что ему даже удавалось буквально почувствовать в себе самом некую другую личность или, скажем, силу – не абстрактную, а вполне конкретную, за которой угадывалось нечто невыразимо огромное, холодное и безжалостное, которое ему трудно было охарактеризовать иначе, чем просто зло. Не то привычное человеческое зло, с которым мы частенько сталкиваемся в жизни, а, если так можно выразиться, зло в чистом виде. И это то, что вызывало в нем совершенно панический страх.

Брат начал замечать, что эта сила постепенно стала подчинять его сознание. Душу словно бы поразили недуг.

Он просил о помощи, но его уже никто не слышал. Был ли это наркотический бред или что еще, не берусь судить. Но до сих пор помню его тихое: «Помоги»... Столько в нем прозвучало боли и бессилия, что до сих пор, когда я это вспоминаю, мороз по коже...

К сожалению, брату своему я так и не помог. Вначале все как раз было хорошо: он прошел программу по реабилитации и выписался. Я его устроил в Москве на работу, и жизнь вроде бы стала постепенно налаживаться. Тогда-то я, видимо, и расслабился, решил, что все самое страшное уже позади. Помню, примерно через год сидел я дома у телевизора, и тут на меня вдруг нахлынула волна невыразимого ужаса – ни с того ни с сего. Такого я, наверное, в жизни никогда раньше не испытывал, до дрожи. Нахлынула и сама собой спала.

Раньше приходилось слышать рассказы, что близнецы друг друга на расстоянии чувствуют, только вот у самого подобного опыта никогда не было. Поэтому я и не верил в такое, только посмеивался. А тут вот случилось... И звук еще какой-то был еле слышный, тонкий, звенящий. А потом он внезапно оборвался, словно струну перерезали. И я вдруг отчетливо понял: нет у меня больше брата. А уже наутро позвонили и сказали, что Павла нашли мертвым. Передоз. Обнаружил его кладбищенский сторож недалеко от могилы родителей.

Так до сих пор и не могу сказать, то ли я его тогда в наркологическом центре спасал, то ли он меня. Во всяком случае, представление о мире и людях у меня изменилось кардинально, так что к своему прошлому простому и удобному существованию я уже не вернулся – словно в голове какой-то переключатель щелкнул.

С тех пор как Павла похоронили, я регулярно работаю волонтером вот уже пять лет – пытаюсь как могу помочь. Хоть немного. Хоть кому-то. А там, что Бог даст... Раньше просто старался не замечать, жил как все, согласно моде и по устоям общества, так сказать. Ну лежит себе мужик на асфальте, ну и пускай лежит, наверное, пьянь какая-то или торчок – пусть себе валяется. Все аккуратно обходят и идут дальше, и я иду.

А то, что это человек, такой же, как мы, и ему сейчас плохо – может сердце, может, еще что – уже думать некогда.

Словно атрофировалось что в людях или просто боятся выделиться – так удобнее. Сейчас будто бы пелена с глаз спала.

Странно все это. Ведь русским во все времена были свойственны доброта, сострадание, взаимопомощь, самопожертвование. Кто это все у нас украл? Нажива? Обогащение? Не понимают люди, что случись с каждым из них такая болезнь – а наркозависимость и алкоголизм – это, безусловно, болезни, тяжелые и так до конца и не изученные, – тоже никто не поможет. Так и выйдем, если не опомнимся. На то, видимо, у кого-то и расчет свой имеется.

Сейчас модно рассуждать о различных религиях – исламе, христианстве, буддизме, иудаизме... Только по большому счету все это показуха. Можно

сказать, не более чем клубы по интересам. Не там Бога искать следует, а у себя в сердце. Просто остановиться хоть раз, выйти из суеты и прислушаться к собственному сердцу – в нем Бог и есть. Нужно только жить по совести, по правде, как раньше говорили, и будешь ближе к Богу. В древности вся Русь так по правде и жила, это уже потом религии придумывать стали. А сейчас верующих много, но вот только бедным да больным помочь мало кто спешит.

Наверное, у каждого может быть какое-то свое знаковое событие в жизни, способное его разбудить. Для кого-то это, возможно, болезнь, для кого-то трагедия личная или, напротив, мгновение счастья, для кого-то что-либо совсем иное. Нечто, позволяющее ему просто выйти из этого морока и вспомнить, что он человек. И задать самому себе какие-то свои, главные вопросы.

После смерти брата я такой вот вопрос себе и задал: а готов ли я сам к тому, чтобы больным помогать, преодолеть брезгливость, отвращение и просто прийти на помощь как человек человеку? Вот теперь и пытаюсь на этот вопрос ответ найти.

Куда кривая вывезет. Антон

Встречи с бывшими одноклассниками меня никогда особо не радовали и тем более не удивляли. Что тут особенного? Ну пересеклись где-то на квартале, и что? Многие живут по прежним адресам, по одним улицам ходим. Ну да, постарели, растолстели, некоторые, вон, еще и облысели. Да и говорить в общем-то не о чем, лично меня не тянет на откровенности, если честно. Нити, волей-неволей связывавшие нас в школьные годы, давно истлели, каких-то выдающихся вершин в жизни я не достиг, похвастаться нечем, к чему вся эта пустопорожняя говорильня?

Но одна из таких случайных встреч надолго застряла в моей памяти, заставляя постоянно возвращаться в тот день, перебирать сказанное, услышанное и оставшееся за кадром. Удивительным было уже само то, что с Олесей мы столкнулись в совершенно неожиданном месте, за сто верст от проторенных по району дорожек и насиженных кафешек.

Примерно около года тому назад наши пути пересеклись в холле одного загородного лечебного заведения, именуемого «Центром реабилитации и социальной адаптации», проще говоря, наркологической клиники. Меня туда привела одна маленькая, но очень важная победа в одуряющей и иссушающей мозг затяжной войне с наркоманией моего племянника, которую неполные четыре года мы вели тремя домами: в нее были втянуты семьи двух моих сестер и моя собственная.

Какие только способы и уловки мы не перепробовали за это время – от строгой логики до полной иррациональности, от многочасовых разговоров до абсолютного игнора. Ну разве что жесткого физического насилия все-таки удалось избежать. Испробовали все, что только могли придумать и вычитать в интернете, вплоть до обращения к народным целителям.

Это уже дочка моя через своих френдов в соцсетях вышла на одного мага – не мага, шамана – не шамана, словом, какого-то буддийского экстрасенса, который по фотографии через посредника может удаленно воздействовать на человека, он отсекает подключение к темным эгрегорам[1 - Эгрегор – в эзотеризме и оккультизме этот термин означает совокупность однотипных мыслей или эмоций группы людей, которые «материализовались» и начали существовать самостоятельно. – Прим. науч. ред.] или что-то в этом роде. Не знаю, что в конце концов «выстрелило», но Денис неожиданно согласился попробовать излечиться, для начала как минимум пройти детоксикацию. А ведь ситуация была совсем уже аховая, поскольку от марихуаны парень перешел к постоянному употреблению амфетаминов, а порой и кокаина.

Мы с сестрой (мамой Дениса) много разговаривали тогда, прокручивая раз за разом все произошедшее, случившееся и не случившееся, пытались понять, как и когда наш парень ступил в это болото, из которого мы всеми силами пытались теперь его вытащить. Казалось, для этого кошмара не было ни причин, ни повода: Денис рос в благополучной, полной семье, в здоровой атмосфере и всегда был окружен вниманием, заботой и любовью родителей. Неплохо учился, занимался в спортивных секциях, увлекался литературой и собственным сочинительством.

В общем, ничто не предвещало подобного развития событий, и никто из нас вообразить себе не мог, что эта чума, наркомания, может зацепить и наших детей.

В ближайшем окружении даже рядом не было никого, кто хоть как-то был задет этой болезнью. Алкоголизм, наркомания, ВИЧ – все самое страшное происходило где-то там, за границами нашего мира, в телевизоре, в интернете, а к нам не имело никакого отношения.

Сейчас мне все чаще в голову закрадывается крамольная мыслишка, что, может быть, именно это наше стойкое убеждение «уж со мной-то и моими близкими такого точно не может случиться» каким-то образом тоже сказалось на возникновении и последующем развитии болезни Дениса. Видимо, эта зараза так же, как, например, грипп и прочие вирусы, требует наличия устойчивого иммунитета к ней – у каждого человека, у каждой семьи, у общества в целом. Может, каких-то особых вакцин и прививок, не знаю.

А может, мы настолько были поглощены всеобщей гонкой за достатком и благополучием, что в самый ответственный момент из нашего поля зрения выпали некие нюансы внутреннего состояния юной неокрепшей души.

Мы были довольны и счастливы тем, как нам удавалось справляться с житейскими заботами, не замечая смертоносных бацилл, витающих вокруг. Так или иначе, но что-то мы все же упустили – не увидели и не услышали тревожные звоночки.

Помните, как писал доктор Чехов: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других»[2 - А. П. Чехов. «Крыжовник», 1898 г.].

Мы не слышали, но судьба постучалась и в наши двери.

Начиналось все довольно банально: в студенческой компании ребята иногда покуривали травку для «остроты восприятия мира» (как потом нам объяснял Денис), и родители даже не имели об этом представления, ничего не подозревали, ведь дома он никогда не курил, в поведении никаких резких

перемен не было, а зверский аппетит только радовал мать.

Внешне это тоже никак особо не проявлялось, разве только глаза у парня частенько были покрасневшими, что, как правило, списывалось на счет большой нагрузки в институте. Ситуация в корне изменилась с наступлением первой сессии. В течение семестра Денис много лоботрясничал, пропускал занятия, львиную долю времени уделяя общению с друзьями и всевозможным тусовкам. Неудивительно, что начало сессии для него стало обухом, который по голове.

Паника, истерика, лихорадочное наверстывание упущенного за полгода, трое суток без сна – словом, вся неременная атрибутика экзаменационного мандража студента-раздолбая. Завалить экзамены Денис никак не мог: поступление в Литинститут и ему далось большой кровью, и родителям пришлось лезть из кожи вон, чтобы наскрести финансов на первые два года обучения.

Так что сразу же после первого сданного экзамена он стал изучать палитру студенческих лайфхаков на тему «Как успешно сдать сессию и остаться в живых». Долго искать волшебную палочку не пришлось – добрый мальчик из его же группы предложил Дэну воспользоваться помощью психостимуляторов, а конкретно амфетамина: тот, дескать, помогает справиться со стрессом, справиться с мыслями, сконцентрировать внимание, ты начинаешь быстрее соображать и легче усваивать информацию, он снимает усталость, бодрит и позволяет долгое время обходиться без сна. В результате из сессии наш парень бодренько вышел без хвостов, с хорошими оценками и устойчивой зависимостью в придачу.

Потом вторая сессия, за ней – третья, но теперь уже дело было даже не в экзаменах и стрессах. Как я сейчас понимаю, это пристрастие Дениса сформировалось у него в первую очередь именно как психологическая зависимость, на личностном плане. У него, конечно, было представление о побочных эффектах, привыкании и губительных последствиях употребления препарата, но его возможности как стимулятора оказались для юноши более значимыми и ценными.

Помню, мотивируя свое употребление, он говорил, что препарат раскрепощает, обостряет восприятие внешнего мира и помогает раскрыть свой, внутренний мир, добраться до самых укромных его закоулков, найти ответы на сложные и сакральные вопросы. Ну и, само собой, приводил в доказательство множество

имен – талантливых, широко известных и любимых многими творческих личностей, в особенности поэтов и писателей, которыми он восхищался и которым стремился подражать. Мол, они постоянно применяли алкоголь и наркотики именно для стимуляции творчества, для расширения границ сознания, достижения измененных состояний и благодаря этому происходило открытие новых горизонтов и покорение новых вершин искусства.

Так, по крайней мере, он говорил. Нам же на тот момент, по сути, нечего было ему возразить, и это довольно популярное среди молодежи убеждение он считал своей козырной картой. На самом деле ни сам Дэн, и никто из его приятелей даже не пытались разобраться в каждом конкретном случае, вникнуть в детали, узнать подробности жизни этих людей, зачастую трагичной. Понять, действительно ли употребление психоактивных веществ было источником вдохновения для этих писателей, или же оно было последствием запредельной эмоциональной нагрузки, тяжелых жизненных обстоятельств, невостребованности или несвободы и невозможности творить.

Сейчас я, наверно, уже мог бы аргументировано поспорить с ним и развенчать этот стойкий миф, но в то время был совершенно безоружен. К тому же стихи Дениса мне действительно нравились. Он иногда показывал что-то написанное, и на меня его строки неизменно производили сильное впечатление, хотя я не знаток поэзии и современных веяний в литературе. Мне нравилась яркая образность его стихов, в них была своя красота, хотя эмоциональная наполненность порой и казалась мне тревожной. Но ведь на то она и поэзия, чтобы будоражить душу, разве нет? Вот, например, один из фрагментов его сочинений из того, что помню:

...и осталось родиться в небо,

знаменуя собой квазар[3 - Квазар – самый яркий астрономический объект во Вселенной. – Прим. науч. ред.]

невесомая дева-лебедь,

закрывай мне крылом глаза

я не я без лебяжьей ласки,

но ночей голубиный взгляд —

отблеск венецианской маски,

он меня не вернет назад
упади и растай, мгновенье,
отпуская стихи душе
ты – последнее дуновенье,
я оплакан твоим туше.

Впрочем, стихи – это уже немного другая тема, вернусь к рассказу о своей знаменательной встрече в клинике. С Денисом мы приехали туда на первую консультацию психотерапевта для беседы и выбора программы лечения и реабилитации. Как выяснилось тут же, на предварительном сеансе терапии, причиной такой неожиданной для нас, членов семьи, и кардинальной перемены в отношении лечения для Дениса стала трагедия, произошедшая недавно с его единственным близким другом – мальчик погиб от передозировки героина.

Возможно, впервые за все время употребления Денису довелось так близко увидеть лицо смерти и осознать реальную опасность для себя самого.

Теперь смерть была не где-то там, в набивших оскомину статьях и передачах, – о наркомании, побочных эффектах препаратов и губительных последствиях употребления, – теперь она была совсем рядом – на столе морга, куда Дениса пригласили для опознания. Немного оправившись от первого шока, он решил попробовать все же найти другую дорогу для себя. Ему ведь так хотелось жить, дышать, видеть и ощущать красоту и творить ее.

И вот мы в клинике. Подошли на ресепшн оформить карту и уточнить назначенное по телефону время приема, и вдруг слышу голос, показавшийся удивительно родным и близким:

– Антоха, ты, что ли?

Обернулся – на меня в упор глядит незнакомая женщина.

– Не узнал? Вот и славно, наконец-то буду богатой, – ухмыльнулась она.

- Неужели... - опешил я. - Олеся?!. Тебя не узнать...

Узнать в этой невзрачной отекшей тетке с опухшими глазами и темными кругами под ними ту стройняшку, хохотушку-веселушку и классную заводилу, которой она запомнилась по школе, было практически невозможно. Только характерные нотки в голосе и искорки, на миг сверкнувшие в глазах, выдавали в ней прежнюю Леську, подругу дней моих суровых.

- Ты что тут, с сыном? - кивнула она в сторону Дениса.

- Не, у меня-то дочка, а это мой племянник Денис. Танькин отпрыск, помнишь сестру мою? - пояснил я и, пока Дэн не слышал, уточнил: - Приехали на лечение записываться, проблемы у нас с парнем. Вернее, не с ним, а с препаратами и их употреблением.

- Наркотики? - понимающе кивнула Олеся, и мне показалось, что ее темные глаза помрачнели еще больше.

- Но ты-то, ты-то что здесь?... - Я пытливо всматривался в ее лицо, пытаюсь разглядеть знакомые симптомы («Господи, неужели и она тоже?»).

- У меня тоже проблемы. Только не с наркотой, а с алкоголем... - И тут же, давно уже прочитав на моей физиономии растерянность и удрученность, рассмеялась. - Да не, не пугайся ты так, я-то сама не пьянчужка. Брат у меня алкаш запойный. Вот хожу на группу для родственников.

Поскольку у меня уже подходило время консультации, мы с Олесей коротко перекинулись парой фраз, напоследок обменялись телефонами и договорились пересечься в ближайшие выходные, чтобы пообщаться по-человечески, с глазу на глаз и без спешки. Эту потребность выговориться и выслушать я вдруг остро ощутил в себе и, как мне показалось, заметил и в Олесе. Нам было о чем рассказать друг другу, чем поделиться.

Из жизни черных дыр. Олеся

В первую же субботу мы с Олесей сидели в немногочленной кафешке поблизости от клиники после ее занятий в терапевтической группе. Решили, что так нам обоим будет комфортнее: вероятность встретить кого-то из общих знакомых сводилась к нулю, можно было спокойно пообщаться, не оглядываясь по сторонам.

Я выложил ей историю Дэна, все как есть, с максимально возможной откровенностью, без всякого стеснения и замалчивания. Интуиция мне подсказывала, что моя бывшая одноклассница – именно тот человек, который сможет понять все с полуслова и поделиться каким-то своим опытом, что-то посоветовать дельное.

Поначалу говорить было трудно, к горлу периодически подкатывал предательский ком, но Олеся так внимательно слушала, что я быстро успокоился и первоначальное напряжение ушло. У нее еще со школы хорошо была развита способность к эмпатии, недаром все подружки по жизни делились с ней своими девичьими секретами. Она почти не задавала вопросов, только уточняя какие-то детали, и понимающе кивала в ответ.

– Ты знаешь, история, в общем-то, довольно типичная, – заметила она, когда я наконец умолк. – Я много подобных услышала за последнее время у нас на собраниях группы. Близкие зависимого, как правило, пытаются объяснить причины заболевания своего сына/мужа какими-то тяжелыми жизненными обстоятельствами: неблагополучная семья, пьющие родители, дурная компания, стрессовый развод или другая трагедия. То есть человек пытается уйти от реальности, заглушить боль, забыть хотя бы на время проблемы, с которыми не может справиться, отдохнуть от них. Вот у вас, как ты говоришь, стартером стал сильный стресс из-за экзаменов, паника. То есть что-то выбивает человека из привычной колеи, лишает равновесия.

Хотя бывают, конечно, и другие варианты, более сложные на первый взгляд. Например, один молодой человек в нашей группе рассказывал о своем друге, который тоже подсел на амфетамины. Ты, наверно, заметил, что среди молодежи сейчас очень распространено увлечение всякими-разными методиками саморазвития, тренингами самопознания словом, поисками своего «я» и тому подобными как бы интеллектуальными и духовными играми.

Вот и Игорь тоже поддался модному течению и усердно искал этот пресловутый «путь к себе», используя, в том числе, психоактивные вещества. Кстати, отчасти

похоже и на то, что ты сейчас рассказал о Дэне и его поисках себя в творчестве, заметил? Все это, конечно, здорово, я обеими руками за то, чтобы молодежь интересовалась философией и эзотерикой, своим духовным развитием, но при этом стоит быть очень осмотрительным и критичным.

Ну так вот, Игорь в результате своих экспериментов, как говорится, перешел на темную сторону силы, вдарился в самый черный оккультизм. Ваня, его друг, рассказывал, что у того в квартире на стенах были развешены черепа каких-то животных, лошадей или коров, причем не муляжи, а настоящие черепа. Согласись, ну это же ужас! И Ваня говорит, когда ему приходилось оставаться у Игоря на ночь, он не мог там спать, просто физически ощущал давление на психику. А его попытки вынести все это из дома встречали жесткое сопротивление. И только когда Игорь, будучи в неадеквате, загремел в реанимацию с черепно-мозговой травмой, его девушка со скрипом, но все же позволила Ване ликвидировать эту бесовщину. Сейчас там пока все очень глухо, но я, собственно, не об этом. Здесь все же неформат, особо извращенный случай, по большей части все гораздо банальнее, можно сказать, обыденнее.

У меня, в принципе, вполне типичная история, такая же, как и у многих, и зависимость моего брата легко можно обосновать жизненными неурядицами. Честно говоря, он всегда был не дурак выпить, начиная с первых лет, так сказать, «взрослой» самостоятельной жизни.

Они с друзьями часто собирались своей теплой мужской компанией: побренчать на гитаре, покалякать «за жисть», за баб да за бабки. Сначала в ходу было пиво, портвешок и другое дешевое винишко, потом с годами перешли на водку. Тогда ничего особенного в этом никто не видел – кто же время от времени не выпивает? Ну да, иногда слишком, но что такого, все давно привыкли. Мне уже тогда это казалось перебором, но что в таких вопросах могла понимать 16-летняя девчонка? Все пьют, хоть вороти нос, хоть не вороти.

Вот, кстати, показательный случай тех лет. Сергей около года уже отслужил в армии, недалеко, в Подмоскowie, и вдруг звонит, а я одна дома: «Я сейчас у нашего метро, подойдешь?» Побежала, само собой. Вижу: стоит такой, мнется, в армейской телогрейке, в ушанке. Подхожу, а он и говорит: «Зайди вон в тот магазин, купи водки, а то мне не продадут». И все. Ни слова, ни полслова, как там мама-папа, как сама. Я развернулась и ушла. Ничего себе закидоны, да? Нашел кого послать за водярой...

Серегина женитьба «по залету» подруги практически ничего не изменила в этом плане, к тому же и с будущей супругой он познакомился на одной из таких пьянок. В браке они прожили почти семь лет, родили двоих детей, но семейного счастья или хотя бы элементарного спокойствия у них никогда не было.

Жили сперва у нас, родители старались в их семейные дразги не вступать, при этом все же пытались Сергея иногда как-то приструнить: мол, пора бы уже за ум взяться, остепениться и завязывать с пьянками. Лена тоже постоянно попрекала его частой выпивкой, словно забыв, что именно благодаря этому ей и удалось мужика заарканить.

Года через три решила-таки к матери переехать, там, понятное дело, она чувствовала себя спокойнее и увереннее, без чужих глаз и советов. Кроме матери Лены, там еще и тетушка ее проживала, тоже незамужняя. И все это в хрущевской двушке. Можешь себе представить. Сергей некоторое время все же выдержал тамошний замшелый матриархат, но меньше выпивать не стал, а ровно наоборот. Мать Лены, хоть и была женщина тихая и мирная, но в один прекрасный день ее терпение лопнуло, и она выставила Серегу из своего дома.

А потом случилось то, что случилось... По весне дети заболели, оба сильно кашляли, и Лена, никогда не доверявшая врачам, стала лечить ребят от кашля народным средством «гоголь-моголь», то есть сырыми яйцами с сахаром. И только когда у детей до 39 подскочила температура и заболели животы, она вызвала врача. Старшему ребенку, мальчику семи лет, стало совсем плохо и его на скорой повезли в инфекционку.

Но до больницы он не доехал, и реаниматолог уже ничего не смог сделать.

Дочку в тот же день положили в карантинный бокс с подозрением на менингит, но по факту подтвердился первоначальный диагноз – сальмонеллез.

Вот такие жизненные обстоятельства. Скажешь, как тут не запить? А я не знаю как. Каждый человек по-своему переживает трагедию, каждый по-своему борется с бедой. Без водки такое, как правило, не обходится, и я могу это понять. Но, послушай, положи руку на сердце, как ты думаешь, разве это несчастье с сыном, это горе стало причиной того, что брат мой пьет всю свою

последующую жизнь? Или оно случилось, в том числе, и из-за его пьянства? Меня порой просто бесят эти слова: «так жизнь сложилась» или «жизнь не сложилась». Ну не сама она «не сложилась» – ты ее «складывал»! Или за тебя это делал кто-то другой, а ты курил в сторонке? Либо ты не столько складывал и умножал, сколько вычитал и делил.

Потом через некоторое время Сергей женился во второй раз, можно даже сказать, по любви, ушел жить к жене. Мы с родителями вздохнули с облегчением. Наконец-то у Сергея начнется нормальная семейная жизнь. Так оно и было, и довольно долго, лет восемь или девять. Изредка брат, правда, рассказывал о конфликтах с кем-то из троих детей Натальи, возникавших, опять же, по пьяной лавочке. Ребята ее на тот момент были уже довольно взрослыми – 15–17 лет – и тоже с гонором, как и сам Серега. Словом, пацаны спуску ему не давали, если он начинал бузотерить, старший даже пару раз ему конкретно приложил по морде лица. И все равно его развод с Натальей грянул для нас как гром среди ясного неба. Видимо, это только нам небо тогда казалось ясным.

Сергей вернулся в родительский дом, хотя я отчетливо помню вырвавшиеся у него однажды слова: «Сюда я ни при каком раскладе не вернусь». Что называется, никогда не говори никогда. Вернулся. Много воды с тех пор утекло, и еще больше водки. Не стало папы, я с семьей переехала в другую квартиру, и брат остался жить с матушкой. То там поработает, то там, то одно не устраивает, то другое не нравится, то с кем-то опять пособачится. Так и менял постоянно шило на мыло, переходил с одной работы на другую.

Не менялось только одно. Ну, ты понял. Теперь это жалкое подобие человека, мутная тень того Сергея, которым он был раньше. Сейчас он, правда, стал не таким буйным, как прежде. А года три назад периодически делал матери нервы, закатывал скандалы, чаще всего на почве недопития, с диким ором и вышибанием дверей, вплоть до рукоприкладства. Но тогда и запои его были не такими ужасающими, как нынче, не такими глубокими и затяжными. Сейчас же это «катастрофа недели» – то есть неделю он работает, неделю пьет. Тихо, дома, один – просто сидит в своей комнате и пьет литрами. До абсолютно невменяемого состояния, до беспамятства. Вырубится, придет в себя, пожрет – и дальше по новой, в том же темпе.

Скажу честно, порой подумаешь: «Хоть бы ты уже допился наконец, перестал бы мать изводить». Грех, конечно, великий, такие мысли. Но как приедешь к ним, посмотришь – в комнате срач невообразимый, сам хуже бомжа, задохнешься

воню от перегара, пота, табачного дыма по всей квартире, перекинешься волей-неволей парой слов – от родственных чувств, поверь, ни малейшего следа не остается, одна злость.

И говорить с ним об этом абсолютно бесполезно, ничто его не понимает. Даже микроинсульт после очередного гипертонического криза, когда у него уже рука наполовину отнялась, не заставил Сергея задуматься. «Да я врачам не верю, нет у меня никакого инсульта. Они как увидят у меня давление за 200, сразу в больницу предлагают. А для меня это нормальное».

Я, со своей стороны, конечно, пыталась его всячески увещевать и страху нагнать: «Сам подумай, если вдруг случится еще инсульт и тебя парализует, кто за тобой будет ухаживать и памперсы менять? Одна рука отнялась, хочешь, чтобы обе? Или ноги?» Месяца на два этого страху хватило – старался одним пивом обходиться и руку пытался разрабатывать. Потом опять сорвался, словно ничего не произошло.

– Неужели вы не пробовали поговорить с ним о лечении? – Я с трудом пытался уложить услышанное в голове. – Можно же вывести человека из запоя и подшить на какой-то срок. Я слышал, многим это помогает.

– Ну лет десять я периодически пыталась его уговорить. Абсолютно бесполезно. Все диалоги примерно такого типа: «Зачем мне лечиться, я что, больной?» – «Но ты же не можешь остановиться, ты себя не контролируешь, это и называется зависимостью, это болезнь в натуральном медицинском смысле». – «Нет, я не алкоголик, я же под забором не валяюсь. И я себя всегда контролирую. Хочу – пью, хочу – не пью». – «Ну да, денег на еду и водку нет – не пью. Получил зарплату – ушел в пике. И кто кого контролирует таким образом? Ты зависимость или она тебя?» Словом, классический симптом алкоголизма – отрицание зависимости. Сколько раз предлагала ему зашиться – наотрез отказывается. Аргумент: «А вдруг мне кто-нибудь водку в горло зальет? Я же сразу концы отдам».

– Да, аргумент убийственный. – Я не удержался от усмешки. – Просто шпионские страсти какие-то в лондонском стиле.

– Но представь, однажды он привел действительно убийственный аргумент, на который я не нашлась что ответить. И даже сейчас не знаю, как на это

возразить. Наверно, поэтому и езжу к психотерапевту и на собрания группы. Он как-то выдал мне правду-матку: «А зачем мне бросать пить? Может, у меня это единственная радость в жизни и осталась».

Теперь я понимаю, что так оно и есть.

И у многих в рассказах это проскакивает, многие зависимые говорят о внутренней пустоте.

Это может звучать по-разному, косвенно: «Мне скучно», «Мне все время чего-то не хватает», «Я как будто что-то потерял и пытаюсь найти». Но, по сути, все сводится к одному: ощущению абсолютного вакуума внутри себя. И даже не вакуума, а черной дыры в груди, которая засасывает в себя все – весь свет, всю энергию человека – и порождает только тоску вокруг. Это и есть самое страшное, на мой взгляд. Человек испытывает постоянный духовный голод, чаще всего даже не осознавая этого, и, принимая наркотики или алкоголь, именно его и пытается утолить, заполнить вакуум, накормить свою личную черную дыру.

Спаси себя сам. Антон

Рассказ Олеси на меня произвел сильное впечатление, мне показалось, что я всю жизнь знал ее брата, хотя в реальности не был с ним знаком. Я слушал ее и «вспоминал», каким он был в юности, какими способностями наделила его природа: идеальным музыкальным слухом, феноменальной памятью, математическими и аналитическими талантами. Я зримо представлял, как он играет на скрипке, готовится к поступлению в консерваторию, вот за один вечер умудряется прочесть толстенную книгу, запоминая при этом все чуть ли не дословно, вот сочиняет свои первые стихи. И как мало-помалу болезнь начинает все это у человека отнимать, словно на клавиатуре судьбы стала залипать клавиша Delete. Больно и обидно.

Что же касается лечения моего племянника Дениса, то сперва все шло по плану: ему провели детоксикацию, он успешно прошел все назначенные сессии

психолога, затем курс реабилитации. Мы все были счастливы этому. Шесть с половиной месяцев Дэн был чистым, все шансы были на то, что ремиссия окажется устойчивой. Тем более неожиданным ударом для нас стал его жесткий и стремительный срыв: ровно через неделю после начала рецидива Денис погиб, упав с балкона восьмого этажа на какой-то разгульной вечеринке. Была это нелепая случайность или намеренное действие самого Дениса – никто так и не смог прояснить ни нам, ни следствию.

Сегодня, спустя почти год после нашей встречи с Олесей в клинике, я все чаще думаю о ней и ее брате. Надо бы позвонить, узнать, как там у них дела, продолжают ли они с мамой бороться с зависимостью Сергея, с этой ставшей для многих такой обычной, но оттого не менее жуткой болезнью или тоже опустили руки. Как я, как наша семья.

Я вспоминаю слова Олеси о черной дыре и осознаю, что все острее ощущаю ее в своем сердце. Я думаю о том, в какую сторону могла повернуть история болезни Дениса, как могла сложиться... нет, не сложиться, а развиваться его судьба, если бы кто-то из нас, да что там кто-то, я, именно я сам – не сдался, не плюнул бы на все после роковой неудачи и рецидива болезни, а нашел бы в себе силы продолжать бороться за жизнь родного, такого дорогого человечка, продолжал бы поддерживать его родителей...

Думаю, наверное, мы просто недостаточно любили его или стали уже неспособными к любви, потому и не смогли заполнить ту голодную черную дыру в его сердце.

И, стало быть, спасать нужно было не столько Дениса, сколько нас самих. Не зря же и Серафим Саровский говорил: «Спасай себя сам, и вокруг тебя спасутся тысячи». Мы не пытались. Я не пытался.

Знаете, иногда так отчаянно хочется верить в существование параллельных вселенных... Может, хотя бы в какой-то из них жизнь нашего мальчика не оборвалась так рано и так бездарно, и я не чувствую там своей чудовищной вины и этой постоянной, ноющей, непроходящей боли в сердце.

Зависимые друг от друга

Обществу давно необходимо признать тот факт, что зависимость – это не какой-либо индивидуальный порок конкретного человека, а прежде всего болезнь, и болезнь крайне серьезная и опасная. Этот недуг постепенно и глубоко проникает во все системы организма, меняя личность человека, поражая и подавляя ее изнутри. Но окружающие, как правило, видят перед собой лишь опустившегося, вызывающего отвращение индивидуума, который полностью выпал из социума. И единственное желание у большинства людей в подобном случае – как можно быстрее пройти мимо. Не заметить, отвернуться, всем видом показать, что это не твое дело, поскорее выкинуть из головы.

Часто подобное отношение проявляется, даже когда речь идет о близком человеке, родственнике. Ведь это же какой позор, как стыдно перед социумом иметь такого отца или брата!

При этом никто не задумывается, что перед ними по-настоящему больной человек, больной в чисто медицинском смысле, что ему сейчас очень плохо и он нуждается в срочной помощи. В нашей помощи. Хотя бы уже потому, что он человек. Ведь, по большому счету, он ничем не отличается от любого из нас.

А теперь задайте себе простой вопрос: готовы ли вы к тому, что в какой-то момент и мимо вас пройдут именно тогда, когда вам более всего нужна будет помощь и на кону окажется ваша жизнь?

Если один из близких людей становится зависимым, это не может не сказаться на всей семье в целом, на каждом ее члене. Даже если постараться вычеркнуть из своей жизни такого человека, вы, как ни странно, все равно в той или иной степени будете подвергнуты воздействию его болезни. От этого уберечься нельзя, как нельзя уберечься от эпидемии, когда вирус, находящийся в замкнутом пространстве, настигает любого.

На каждого болезнь будет влиять по-своему, но произойдет это непременно. Очень незаметно ментальная и эмоциональная составляющие личности начнут постепенно видоизменяться, и в конце концов скрытому воздействию окажется подвергнута вся психика. Подобное явление уже достаточно хорошо изучено и подробно отражено в специальной медицинской литературе, где оно называется созависимостью. В результате постепенно вся семья становится созависимой.

А ведь именно из таких созависимых семей состоит не столь уж малая часть нашего общества. А если представить это само общество как единый организм, то это покажет, что все мы в определенной мере являемся созависимыми – зависимыми друг от друга. И тот, кто сейчас отворачивается, проходя мимо страданий другого человека, уже сам неотвратимо болен. Только еще не знает об этом.

А всего-то и нужно – хотя бы попытаться разорвать этот замкнутый круг. Иногда так и хочется сказать: люди, будьте добрее друг к другу, ваша доброта рано или поздно обязательно к вам вернется.

Лишние люди

Invalidus

Слово «даун» в нашем обиходе давно заняло место оскорбительного определения уровня умственных способностей оппонента, стало общепринятым синонимом «дурака». Когда нам кажется недостаточно выразительным слово «дурак», мы говорим «имбецил», «олигофрен», «даун», не задумываясь, какая боль, какие страдания и трагедии заключены в этих словах. Мы не придаем им особого значения, и они пускают прочные корни в нашем языке, в нашей культуре, независимо от нашего желания формируя устойчивые шаблоны восприятия их истинной сути и, что еще хуже, нормы отношения общества к людям с подобными отклонениями.

По данным Всемирной организации здравоохранения, дети с синдромом Дауна появляются в мире с частотой 1 на 700 новорожденных. В России, по статистике благотворительного фонда «Даунсайд Ап», ежегодно рождаются порядка 2500 детей с этой патологией.

Наши познания о синдроме Дауна сводятся к стереотипу: «Это неизлечимое генетическое (читай – наследственное) заболевание, при котором ребенок рождается умственно неполноценным и редко доживает до 18 лет». Не оттого

ли сообщение врачей «У вашего ребенка выявлен синдром Дауна» становится для родителей новорожденного, как правило, тяжелейшим психологическим шоком, ломающим судьбы как минимум трех человек? Находясь в плену собственных заблуждений и стереотипов, не владея достоверной информацией, человек редко способен принимать взвешенные решения, ибо ограничен в выборе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эгрегор – в эзотеризме и оккультизме этот термин означает совокупность однотипных мыслей или эмоций группы людей, которые «материализовались» и начали существовать самостоятельно. – Прим. науч. ред.

2

А. П. Чехов. «Крыжовник», 1898 г.

3

Квazar – самый яркий астрономический объект во Вселенной. – Прим. науч. ред.

Купить: https://tellnovel.me/ru/sokolov_yaroslav/zhil-na-svete-chelovek-kak-my-stali-temi-s-kem-roditeli-govorili-ne-obschat-sya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)